

Daria Słupianek-Tajnert

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3634>

Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukrainńskiej

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

ОБРАЗ «ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ МОЛИТВЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Key words: Svetlana Alexievich, Chernobyl, Chernobyl man, homo sovieticus

«Специфика травматических событий состоит в том, что невозможно о них рассказать, но одновременно о них рассказывать необходимо»¹ [Hundorowa 2017: 56]. Катастрофа в Чернобыле, несомненно, является такого рода травматическим событием, особенно тогда, когда мы смотрим на неё глазами пострадавших в ней людей. Светлана Алексиевич, прежде чем написать свою знаменитую *Чернобыльскую молитву*, выслушала истории-свидетельства нескольких сотен людей, переживших пожар и взрыв на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года. На представляемое ими событие можно посмотреть с разных точек зрения, учитывая, например, технологическую сторону или политический фон. Тамара Гундорова указывает также на конспирологическую или эсхатологическую трактовку событий в Чернобыле, а по отношению к книге С. Алексиевич она обращает внимание на то, что в анализируемом тексте Чернобыль «стал местом того, что травматическое, „невыражаемое” в культуре», наподобие, например, таких важнейших трагических событий прошлого столетия как Аушвиц, Хиросима или Холокост [Hundorowa 2017, 56]. Мы, однако, предлагаем сфокусировать внимание прежде всего на человеке, пострадавшем в результате катастрофы – как физически, так и ментально.

Цель настоящей статьи – воссоздать образ *чернобыльского человека*, зафиксированный в *Чернобыльской молитве* С. Алексиевич. Важно отметить, что появляющееся неоднократно в названном произведении выражение *чернобыльский человек* отсутствует в *Национальном корпусе*

¹ Перевод: D. Słupianek-Tajnert

русского языка, а в поисковых системах Интернета оно появляется только в контексте обсуждения книги С. Алексиевич. Этот факт позволяет считать выражение *чернобыльский человек* характерной чертой вербально-семантического уровня идиостиля, проявляющегося в *Чернобыльской молитве*. Прилагательное *чернобыльский* встречается в книге во многочисленных словосочетаниях, как, например, *чернобыльские пожарники, чернобыльская улица, чернобыльская лаборатория, чернобыльский народ, чернобыльская информация, чернобыльская земля, чернобыльский опыт, чернобыльские облака* и другие, но особую роль для смысла произведения играет именно *чернобыльский человек*, на судьбе которого сосредоточивается автор книги.

Можно задаться вопросом, кто это – *чернобыльский человек*. Данная формулировка применима, конечно, не только к человеку, который пострадал в чернобыльской катастрофе и пережил «антропологический шок» [Beck 1986], осознавая, что технология является угрозой для его жизни. Она также обладает большим коннотативным потенциалом. В книге С. Алексиевич анализируемая формулировка приводится в противоположность *нормальному человеку*: «Ты живешь... Обыкновенный человек. Маленький. Такой, как все вокруг – идешь на работу и приходишь с работы. Получаешь среднюю зарплату. Раз в год едешь в отпуск. У тебя – жена. Дети. Нормальный человек! И в один день ты внезапно превращаешься в чернобыльского человека. В диковинку! Во что-то такое, что всех интересует и никому неизвестно. Ты хочешь быть как все, а уже нельзя» [Алексиевич 2013, 29].

Наряду с оппозицией *чернобыльский человек* и *нормальный человек* в книге появляется противопоставление *чернобыльский человек* и *дочернобыльский человек*: «Вспоминаю первые впечатления, первые слухи... Перехожу из одного времени в другое, из одного состояния в другое... Отсюда – туда... Как пишущий человек, я задумывалась над этими переходами, они меня интересовали. Во мне словно бы два человека – дочернобыльский и чернобыльский. Но вот это „до” сейчас трудно восстановить с полной достоверностью. Мое зрение поменялось...» [Алексиевич 2013, 128].

Взрыв на Чернобыльской АЭС стал для людей переломным моментом, после которого они потеряли свою прежнюю, нормальную, счастливую жизнь («Последний день нашей той жизни... Дочернобыльской... Такие мы счастливые!» [Алексиевич 2013, 16]), они очутились как будто в другом мире, где правила существования пришлось выучить заново.

Потеря «нормальности» проявляется в разных жизненных ситуациях. Во-первых, согласно языковым данным, это смерть или потеря здоровья – как физического, так и психического. В книге часто приводится подробная информация о болезнях и смертях жертв катастрофы («Люди заболели от потрясения» [Алексиевич 2013, 116]), появляются детальные описания симптомов нарушения работы организма из-за лучевого поражения, например: «Ожоги выходили наверх... Во рту, на языке и щеках, сначала

появились маленькие язвочки, потом они разрослись. Пластами отходила слизистая, пленочками белыми. Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серо-бурый...» [Алексиевич 2013, 16]. Оказывается, что лучевая болезнь влияет на овеществление *чернобыльского человека*, который становится *редким экспонатом* [Алексиевич 2013, 29], *радиоактивным объектом* [Алексиевич 2013, 15], *реактором*: «Это уже не человек, а реактор. Сгорите вместе» [Алексиевич 2013, 15].

Сам испытывая страх перед последствиями случившегося, *чернобыльский человек* также становится реальным источником страха для других людей. Его боятся как живого, так и мёртвого: «Ну, разные слухи: чернобыльцы и после смерти „светятся“... Ночью над могилами поднимается свет... Я сама читала, что могилы чернобыльских пожарников, умерших в московских госпиталях и похороненных под Москвой в Митино, люди обходят стороной, своих мертвых возле них не кладут. Мертвые мертвых боятся, не говоря о живых. Потому что никто не знает, что такое – Чернобыль» [Алексиевич 2013, 148].

Чернобыльский человек – это отверженный, которого другие чуждаются: «„Давайте свои кружки или стаканы“». До нас сразу не дошло... Стаканов, что ли, не хватает? Нет! Нас боятся... „Откуда?“ – „Из Чернобыля“. И человек боком-боком от нашего купе, детей не пускают, чтобы бегали мимо» [Алексиевич 2013, 62].

Светлячки, чернобыльские ёжики, заразные, живые страшилки или *чернобыльские «хибакуси»* – по аналогии с хиросимскими «хибакуси» (т.е. теми, кто выжил после Хиросимы) – это только примеры отрицательных ярлыков, наклеенных переселенцам из чернобыльской зоны. Из-за медицинских предпосылок чернобыльцам открыто отказывают в праве любить: «„Милочка, разве вы сможете родить?“ (...) „Милочка, для некоторых существует грех деторождения“. Грех любить...» [Алексиевич 2013, 63]; «Ты теперь чернобыльский. Кто за тебя замуж пойдет?» [Алексиевич 2013, 49].

С одной стороны, *чернобыльский человек* вызывает чувство страха, с другой – становится темой анекдотов, которых в книге С. Алексиевич приводится много, например: «Указ правительства о льготах чернобыльцам... Тому, кто проживает в двадцати километрах от станции, к фамилии добавляется приставка „фон“. Те, кто в десяти километрах, они уже – Ваша светлость. А те, кто возле станции выжили – Ваше сиятельство. Ну, вот и живем, Ваша светлость... Ха-ха...» [Алексиевич 2013, 33].

Пусть этот своего рода смех сквозь слёзы станет точкой отсчёта для дальнейшей характеристики *чернобыльского человека*, в которой необходимо учесть его духовный мир.

Масштаб атомной катастрофы, её непостижимость для людей, повлияли на то, что *чернобыльский человек* стал склонным к философствованию: «Просто фактов уже не хватало, тянуло заглянуть за факт, войти в смысл происходящего. Эффект потрясения! И я искала этого потрясенного

человека... Он говорил новые тексты... Голоса иногда пробивались, как будто сквозь сон или бред, из параллельного мира. Рядом с Чернобылем все начинали философствовать. Становились философами» [Алексиевич 2013, 21]. Можно предположить, что люди хотели постичь произошедшее, понять суть трагических событий, чтобы необъяснимое стало понятным, чтобы создать новые основы для безопасной жизни, найти внутреннее спокойствие. Оказывается однако, что эта цель недостижима: «А событие все равно выше нас, любого комментария...» [Алексиевич 2013, 89]. Ответы жертвы катастрофы искали также в вере: «Храмы опять заполнились людьми... Верующими и недавними атеистами... Искали ответов, которые не могли дать физика и математика. Трехмерный мир раздвинулся, и я не встречала смельчаков, которые бы снова могли поклясться на библии материализма. Ярко вспыхнула бесконечность» [Алексиевич 2013, 21].

Катастрофа вызывает у людей сильную чувствительность, у *чернобыльского человека* обостряется сентиментальный подход к некоторым аспектам жизни: он живо реагирует на разрушение старого порядка вещей, обращает внимание на элементы семейной традиции, обладающие особой индивидуальной символикой. Примером здесь может служить описание двери как семейной реликвии и талисмана: «Наша дверь... Наш талисман! Семейная реликвия. На этой двери лежал мой отец. Не знаю, по какому обычаю, не везде так, но у нас, сказала мне мама, покойника надо положить на дверь от его дома. Он так лежит, пока не привезут гроб. Я сидел около отца всю ночь, он лежал на этой двери... Дом был открыт. Всю ночь. И на этой же двери до самого верха зазубрины... Как я рос... Отмечено: первый класс, второй. Седьмой. Перед армией... А рядом – как рос уже мой сын... Моя дочь... На этой двери вся наша жизнь записана, как на древних папирусах. Как я ее оставлю?» [Алексиевич 2013, 29].

Нельзя пройти мимо ментальности *чернобыльского человека* – главной его чертой является господство чувства, которому разум уступает место: «Наша ментальность... Особый разговор... У нас на первом месте чувство. Это дает размах, дает высоту нашей жизни и в то же время губительно. А рациональный выбор для нас – всегда ущербный. Свои поступки проверяем сердцем, а не разумом» [Алексиевич 2013, 78]. *Чернобыльский человек* хочет разделить судьбу других, думая о них больше, чем о себе: «С точки зрения нашей культуры думать о себе – эгоизм. Слабость духа» [Алексиевич 2013, 78].

Самопожертвование особенно заметно в работе ликвидаторов катастрофы. Работающих над реактором вертолётчиков именовали *героями в небе, чернобыльскими соколами* [Алексиевич 2013, 78], дети хвастались своими папами – ликвидаторами аварии («А в школе я всем хвастался, что мой папа приехал из Чернобыля, он – ликвидатор, а ликвидаторы – это те, кто помогал ликвидировать аварию. Герои! Мальчишки мне завидовали» [Алексиевич 2013, 142]), наконец, ликвидаторы аварии – «Это ещё и люди

особой культуры. Культуры подвига» [Алексиевич 2013, 90], у которых просто появилась возможность «проявить мужество и героизм», а за их борьбой со стихией с восторгом следит общество, следят другие чернобыльцы: «Верили в высокие идеалы. В нашу победу! Победим Чернобыль! Навалимся – и победим. Взахлеб читали о героической борьбе по укрощению реактора, который вышел из-под власти людей» [Алексиевич 2013, 125].

С одной стороны, нельзя, конечно, отказать ликвидаторам в героизме при борьбе с пожаром на АЭС и устранении последствий трагической катастрофы. С другой стороны, *Чернобыльская молитва* заставляет сосредоточиться на обратной стороне медали, т.е. на определении ликвидаторов аварии как жертв. В книге обращается внимание на то, что они являются не только жертвами самого взрыва на АЭС (имея ввиду нарушение состояния физического здоровья или даже смерть), но и жертвами власти, системы, жертвами своей ментальности.

В *Чернобыльской молитве* зафиксировано определение ликвидаторов как овеществлённых *зелёных роботов*: «Радиоуправляемые манипуляторы часто отказывались выполнять команды или делали совершенно не то, так как их электронные схемы в высоких полях разрушались. Самыми надёжными роботами были солдаты. Их окрестили «зелеными роботами» (по цвету военной формы)» [Алексиевич 2013, 90]. О поведении тушивших огонь пожарников и ликвидаторов говорят, что оно *напоминает коллективное самоубийство* [Алексиевич 2013, 22] и провоцирует задать вопрос: «Так кто они все-таки: герои или самоубийцы? Жертвы советских идей и воспитания?» [Алексиевич 2013, 22].

В этом месте особенно заметным становится соприкосновение характеристик *чернобыльского человека* с *советским человеком* – *homo soveticus*, являющимся соединяющим звеном всех книг цикла *Голоса Утопии* С. Алексиевич, в том числе *Чернобыльской молитвы*.

Об отдельном типе человека – *homo soveticus* – писательница, сама чувствуя себя представительницей этого особого человеческого типа, рассказывает подробно в *Записках соучастника* в книге *Время секунд хенд* [Алексиевич 2013а]. Это люди, сформированные в социализме, представители разных стран Советского Союза, на воспитание которых огромное влияние оказала социалистическая идеология. Верность идее – особая черта *советского человека*, которая среди *чернобыльских людей* ярче всего проявляется в работе ликвидаторов аварии, работающих без защитной спецодежды, мирящихся с тем, что от них скрывают информацию о настоящих дозах радиации, радующихся – вопреки всему, получаемым правительственным грамотам и медалям.

«В газетах пишут... Чернобыль развалил империю, он излечил нас от коммунизма... От подвигов, похожих на самоубийство, от страшных идей... Я уже понимаю... Подвиг – это слово, которое придумало государство» [Алексиевич 2013, 109] – упомянутая роль катастрофы в распаде Советского

Союза неоднократно подчёркивается в тематической литературе. Оксана Забужко говорит о том, что события на АЭС стали духовой первопричиной приближающегося фактического распада советской империи [Radecka 2017, 111], Чернобыль – это символическое начало новой эпохи, связанной с перестройкой стран СССР [Boruszkowska 2017, 82]. Эти тенденции сильно отражаются также и в образе *чернобыльского человека*, характеристику которого нельзя отделить от общественных и политических реалий.

Чернобыльский человек, через призму отношения к нему представителей власти, чувствует себя обманутым, игнорируемым, даже пренебрегаемым. В тексте часто указывается на то, что *чернобыльский человек* вообще не информирован о настоящем масштабе случившегося, о степени повышения уровня радиоактивности, о получаемых реально дозах радиации и их воздействии на живые организмы: «Днями сидели у телевизора и ждали, когда Горбачев выступит. Власти молчали... Только когда отгремели майские праздники, Горбачев сказал: не волнуйтесь, мол, товарищи, ситуация под контролем... Пожар, просто пожар. Ничего особенного... Люди там живут, работают... Мы верили...» [Алексиевич 2013, 95]; «(...) с народом не общаться, панику не поднимать...» [Алексиевич 2013, 96]; «(...) людей обманывали. Обманывало государство. Вся информация стала тайной... Именно в то время, когда коротко живущие элементы давали жесткое излучение, и все „светилось”» [Алексиевич 2013, 103] – можно привести ещё множество подобных цитат.

Отсутствие своевременной информации об угрозе влияет на поведение людей – часто оно неадекватно ситуации: «Трактор стоял, а тракторист лежал на траве, отдыхал. „Вы с ума сошли? Разве вас не предупредили?” – „Так я же голову телогрейкой накрыл”, – отвечает. Люди не понимали. Их все время пугали, готовили к атомной войне. А не к Чернобылю...» [Алексиевич 2013, 106]; «Возвращаемся в Минск. На проспекте торгуют всюю пирожками, мороженым, мясным фаршем, булочками. Под радиоактивным облаком...» [Алексиевич 2013, 131].

Рассуждая об образе *чернобыльского человека*, необходимо вспомнить об испытываемом им чувстве несправедливости и незащитности. Катастрофа повлияла на то, что люди стали более критически относиться к представителям власти, самолично решающим их судьбу путём замалчивания событий на АЭС в Чернобыле:

«Какая власть! Безмерная власть одного человека над другим человеком. Это уже не обман, это война с невинными...» [Алексиевич 2013, 133].

Несмотря на все отрицательные последствия катастрофы, *чернобыльский человек* стремится найти положительные стороны ситуации, в которой он очутился. Ввиду того, что весть о катастрофе разнеслась по всему миру, её жертвы вправе считать себя более узнаваемыми представителями своей нации: «(...) Чернобыль... Что-то лепит он из нас. Творит. Теперь мы стали народом. Чернобыльским народом. А не дорогой – из России в Европу

или из Европы в Россию. Только теперь...» – говорит о белорусах одна из высказывающихся в книге героинь [Алексиевич 2013, 124]. Самую важную роль играет здесь осознание *чернобыльским человеком* объединяющей функции трагических событий на АЭС.

Всё сказанное выше – это, конечно, мозаичная картина *чернобыльского человека*. Техника монтажа, применяемая С. Алексиевич, позволяет познакомиться со многими судьбами, с историями людей, вносящими свою лепту в описываемое событие на АЭС в Чернобыле. Хотя каждая история заслуживает того, чтобы отнестись к ней индивидуально и на её основании приписать *чернобыльскому человеку* новую, особую черту, можно, однако, прийти к обобщающим выводам.

Чернобыльский человек – это не только человек, испытывающий страх из-за случившегося, но и человек, которого, как подтверждает цитируемый материал, боятся окружающие. Это человек-философ, жертва политической системы, человек, попираемый властью, человек беззащитный, смирившийся со своей судьбой, но начинающий осознавать несправедливость по отношению к себе как к личности. Обманутый властью, медлящей открыто сказать о произошедшей катастрофе, *чернобыльский человек* в книге С. Алексиевич подтверждает своим отношением к событиям в Чернобыле, что духовой распад советской империи принимает всё более отчётливый характер.

В характеристике *чернобыльского человека* соматическая сторона (в контексте которой сосредоточиваемся, конечно, на влиянии облучения на состояние человеческого здоровья) уступает место психологической. *Чернобыльский человек* – это особый психологический тип человека, характер которого обусловлен вплетением в общественные и политические реалии, отражающиеся на его личной жизни. В контексте сказанного кажутся уместными слова профессора Збигнева Яворовского, выдающегося врача-радиолога, специалиста в области радиоактивного загрязнения и его влияния на организмы, члена комиссии, оценивающей последствия чернобыльской катастрофы 1986 года. По его мнению, уничтожение реактора в Чернобыле было крупнейшей психологической катастрофой в мирное время, а самый большой вред она нанесла не в телах, а в умах людей [Jaworowski 1996].

Общность испытаний и сила их эмоционального переживания придают *чернобыльскому человеку* особую психологическую характеристику.

Библиография

- Aleksievič Svetlana. 2013. *Černobyl'skaâ molitva. Hronika budušego*. V: https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/chernobylskaya-molitva-hronika-buduschego/?track=from_all_books_my [Dostup 10 V 2018] [Алексиевич Светлана. 2013. *Чернобыльская*

- молитва. Хроника будущего*. В: https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/chernobylskaya-molitva-hronika-buduschego/?track=from_all_books_my [Доступ 10 V 2018].
- Aleksievič Svetlana. 2013a. *Vremâ sekond hend*. V: <https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/vremya-sekond-hend/chitat-onlayn/> [Dostup 10 V 2018] [Алексиевич Светлана. 2013а. *Время секунд хенд*. В: <https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/vremya-sekond-hend/chitat-onlayn/> [Доступ 10 V 2018]
- Beck Ulrich. 1986. *Der anthropologische Schock. Tschernobyl und die Konturen der Risikogesellschaft*. „Merkur, Deutsche Zeitung für europäisches Denken” No 8: 653-663.
- Boruszkowska Iwona. 2017. *Mapowanie apokalipsy – pustka i ślad czarnobylskiej zony w narracjach poczarnobylskich*. В: *Po Czarnobylu*. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: 80-89.
- Hundorowa Tamara. 2017. *Gatunek czarnobylski: wyparcie realnego i nuklearna sublimacja*. В: *Po Czarnobylu*. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: 55-66.
- Jaworowski Zbigniew. 1996. *Jak to z Czarnobylem było*. „Wiedza i Życie” nr 5. В: <http://archiwum.wiz.pl/1996/96052000.asp> [Dostęp 7 V 2018]
- Po Czarnobylu*. 2017. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Radecka Aniela, *Duchowy rozpad ZSRR. W stronę twórczości literackiej Oksany Zabuzko*. В: *Po Czarnobylu*. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: 105-112.

Summary

AN IMAGE OF A “CHERNOBYL MAN” IN *CHERNOBYL PRAYER* BY SVETLANA ALEXIEVICH

This article is an attempt at recreating the portrait of a “Chernobyl Man” created by Svetlana Alexievich in *Chernobyl Prayer*. The “Chernobyl Man” is a certain psychological type whose psychological portrait is drawn based on their entanglement in the current social and political realities. On the one hand, the “Chernobyl Man” is a typical representative of a homo sovieticus – an individual displaying boundless devotion to the state. On the other hand, this type of man through their relationship with the world is living proof of the spiritual disintegration of the Soviet empire.

Kontakt z Autorką:

daria.slupianek@amu.edu.pl